

ДРАМА ЭВОЛЮЦИИ

Эта история относится к очень давним временам. Настолько давним и древним, что самого времени еще не было. Вернее, никто его не считал, не придумал еще разные часы, минуты и ходики, которые тикают и тикают. Не придумали еще время, а были просто день и просто ночь, просто разные времена года, свет солнца, мерцание звезд, блеск луны или синее небо. Никто еще не изучал, не замерял состояние природы, и все живое на земле дышало, двигалось, рождалось и умирало просто так, или, точнее, ради самой жизни, без всякого надуманного смысла и цели. И земля была и жила просто так. Не было ни Африки, ни Америки, никаких других названий, по которым мы теперь можем точно сказать, где холодно, а где жарко, где хорошо, а где плохо, где демократия и прогресс, а где мрак нужды и угнетения. Все это придумали уже потом. А тогда земля была еще молодая, природа молодая. В общем, шла нормальная доисторическая жизнь.

На берегу тихой сонной речки, сплошь заросшей по берегу буйной тропической растительностью, сидела себе обезьяна и ловила рыбу на удочку. Ничего удивительного в этом нет. Известно ведь, что в конце концов обезьяна взяла в руки дубину и вскарабкалась с ней на вершину эволюции. Заставила себя уважать, хоть перестала быть при этом сама собой. А что такое дубина, как не та же удочка, только значительно тяжелей, толще и совсем для других надобностей? Так что вполне может быть, что обезьяна взяла сначала именно удочку и только, когда изменились жизненные обстоятельства, сменила ее на дубину. Очень может быть. Факт, во всяком случае, таков, что сидела она сейчас именно с удочкой, а не с дубиной. Река была сонная, пора сонная, жаркая, и обезьяна не столько смотрела за удочкой, сколько клевала носом, готовилась вздремнуть. Как тут к берегу подплыл большой крокодил.

- Привет, обезьяна. - заорал крокодил дурным голосом и пополз, чавкая по грязи, на берег.

Нужно сказать, что крокодилам в своей истории очень везло. По крайней мере, долгое время, как подсчитали потом - сотни тысяч лет, а то и больше. Началось это везение еще тогда, когда вся земная живность обитала в воде. И крокодилы жили там же, вели себя скромно и ничем особо не выделялись. Плавали себе, ныряли за пропитанием. Но вот на земле сложились благоприятные условия, кислорода прибавилось, все вокруг зацвело, зазеленело. Потянуло с берега запахом леса, травы, появились всякие витамины, фрукты, овощи. В воде стало явно скучновато. И весь водоплавающий народ прямо захлебнулся от открывшейся перспективы. Поползли на берег, сбросили в песок и гальку ненужные жабры. А крокодилы задержались. Что-то им подсказало, плавать себе, держаться за родимую стихию и не рыпаться. Пусть другие сходят, разведают, а там видно будет. Стали выжидать, а терпение у крокодилов было известное, как ни у кого. И что же? Оказались полностью правы. Те, кто повывлазили, особенно ящеры всякие бродили-бродили, как неприкаянные. Казалось бы, воздух, условия, но не пристроились, не нашли своего места в новой жизни. Некоторые даже летать выучились, что тоже показывает: ведь на полный и сытый желудок не полетишь. И стали болеть. Тому влажность не годится, другого мухи заедают, пищу не может, как следует, переварить. Ринулись назад к воде, домой. Но нет. Вроде бы, вот она - родная стихия, и места всем хватает, но принимать не хочет. Жабры потеряли, хвост не в ту сторону. И главное, - дети. Они уже на берегу выросли, вода для них чужая. Вот так побродили эти горемыки по берегу, повздыхали, погрустили. Кому повезло, тот измелечал, сумел приспособиться, а ящеры вовсе вымерли. Их гордые скелеты до сих пор находят, белые, как морская соль. А крокодил пересидел смутные времена в воде, никуда не рыпался. Мог, конечно, как другие. Но не стал. Если подумать и разобраться, - куда идти? Зачем? Пляж? Вот он, рядом. Крутой год. Жратвы хватает. Красота, Кайф. Лежи, смотри на мир одним глазом. А другим спи, отдыхай, наслаждайся жизнью. Да что там говорить. Крокодил даже с птичкой одной договорился. Чтобы прилетала каждый день с утра, зубы ему чистить. И ей какое-никакое пропитание, и ему гигиена. Для долгой и счастливой жизни здоровые, острые зубы - первое дело. Пусть летает, крутится, чистит ему и собратьям, зарабатывает на семью. Работу он организует, распределит. На всех хватит. А сам он возглавит для общей пользы. Вот как нужно устраиваться: чтобы

и всем хорошо, и себе, в первую очередь. Крокодил и раньше себя уважал, и теперьшний раз убедился, есть за что. Без всякого чванства, дешевого хвастовства, а просто по итогам исторического факта. Куда ни глянь, везде он прав оказался...

- Рыбку ловишь? - спросил крокодил, удобно устраиваясь на песке, - Полежу немного рядом с тобой, погляжу чем ты тут занимаешься.

- Лежите, мне чего. - обезьяна отодвинулась подальше, на другую ветку и удочку за собой потянула.

- Ты что, боишься? Сиди, глупая. Не съем я тебя.

- Ага. Все вы так говорите. Знаем ваши шуточки. Нет, я лучше пересяду.

- Не веришь? - с грустью спросил крокодил. - Ну что вы все подозрительные такие? Скучно мне, поговорить хочу. Еды мне хватает, я в собеседнике подходящем нуждаюсь. Для душевного разговора. Тебя мне хорошо характеризовали. Неглупая, говорят. Вот я и приплыл: познакомиться поближе, посидеть мирно. Смотри погода какая.

- Погода, как погода. - сидя в новом безопасном месте, обезьяна и сама была непрочь поболтать. - Ты гляди, дядя, что я придумала. Взяла себе палку, привязала лиану, к ней острую кость с червяком. Рыба сама цепляется. А я вытаскиваю.

- Ха. А зачем ее вытаскивать? Нырнул себе поглубже, рот пошире открыл и хватай. Чего сидеть на жаре? Хочешь, научу?

- Ага, умный какой. С вами нырнешь, потом инвалидом вынырнешь. Без рук, без ног, с одним хвостом. Не надо нам. Нырни ему. Нет, я здесь посижу.

- Ну, смотри. Не хочешь, дурочка, не надо. Портить себе зрение. Никакого доверия в обществе не осталось. О, времена... - и крокодил вздохнул.

Помолчали. В воде плюхнула большая рыба. - Что доверия? - горько высказалась обезьяна. - Доверие когда еще будет. Справедливости нет, это плохо. Там, под водой этой рыбы - тьма. Ну что ей стоит червяка схватить? И я бы тут не сидела. Можно подумать, у меня других забот нет. Все только назло делают, не думают о ближнем.

Крокодил расхохотался. Вот что значит, красивая жизнь. Это - когда можно глянуть на нее свысока, легко, без забот и рассудить по философски: - Ну, это ты скажешь. Рыба тоже жить хочет.

- Хочет, хочет... - заворчала недовольная обезьяна. - Тогда пусть не хлюпает. Стой себе молча под корягой и не выступай. А то только на нервы действует.

- А ты не нервничай. Это у тебя от жары голова перегрелась. Бери с меня пример. Нервы должны быть крепкие, как лианы. Тогда и жизнь в удовольствие, а где удовольствие, там и справедливость. Вот, возьми пример. Слоны. Как залезут в воду, так не столько выпьют, сколько разольют и разбрызгают. Я уже и уговаривал, и просил: поаккуратнее, ребята. Думаешь, слушают? Гогочут: поберегись, раздавлю. И что? Я спокойно ползу себе в сторону и не нервничаю. Можно по пульсу проверить, никакого возбуждения. Наблюдаю и думаю: подождем, посмотрим, на чьей стороне правда. А недавно узнаю, что братья их - мамонты, такие же, видно, хамы, догулялись до того, что скоро вымрут все, до единого. А почему? Шляются где не надо. На полюс полезли. Плохо им у нас было? Ну, так и подыхай, если в коллективе жить не хочешь, начальство не уважаешь. А нам - главное не нервничать. Скажешь, нет?

- По форме я с вами согласна. А по существу - не могу я не нервничать. - пожаловалась обезьяна. - Если откровенно, чувствую, со мной от нервов что-то происходит. - обезьяна постучала кулаком по лбу. - Совсем другая становлюсь.

- Ну да. Какая, другая? Это у тебя от жары. Вон, гляди, клюет. Тащи быстрее.

Обезьяна изо-всех сил дернула удочку и на берег выскочила огромная рыба, шлепнулась со всего маха, встала на хвост и заторопилась назад к воде. Не тут то было. Обезьяна проворно бросилась к рыбе, схватила камень и треснула рыбу по башке. Брызнуло во все стороны. Рыба чавкнула и успокоилась.

Крокодил наблюдал и не двигался. Дело разворачивалось совсем рядом, и он запросто мог вмешаться. Но лень-матушка его одолела, благодушие.

- Видишь. - сказал крокодил, подытожил собственное благородство. - Запросто мог сцапать и тебя, и рыбу. Но не стал, потому что мне и так классно. А ты ловко придумала - камнем по черепу. Хрясь, и всего делов. Действительно, соображаешь.

Обезьяна потрясенно смотрела на лапу, плотно обхватившую булыжник. Вся она была густо заляпана клочьями рыбьей слизи и крови. Но вид имела вполне довольный. - Здорово у меня вышло. Каждый день теперь изобретаю что-то новенькое. - тут обезьяна спохватилась, глянула опасливо на крокодила и перебралась на прежнее место, подальше от греха.

- Что это вы тут делаете? - раздалось рыдание, будто с самих небес. Крокодил и обезьяна увидели над собой голову жирафа. Солнце слепило им в глаза прямо из-за этой головы и потому распознать выражение жирафьей морды было никак нельзя. Но голова раскачивалась во все стороны с явным возмущением. Это было хорошо заметно.

- Что же это вы делаете? Разбойники. Мало вам бананов, кокосов? Тебе, обезьяна. Зачем рыбу глушишь? Ты же ее не ешь?

- А теперь буду. - задиристо отвечала обезьяна. - Раньше у меня полезных навыков не было. А теперь есть. Я и камнем теперь владею, и удочкой.

- А совесть у тебя где? Живых тварей камнями глушить? - Причем здесь совесть? - вступился за обезьяну крокодил. - У нас у животных совести нет. Одни инстинкты. Их нужно всесторонне развивать. Нужно достичь такого общества, чтобы каждый получал по инстинкту. Так я себе представляю будущее.

- И вообще, попрошу не тыкать. - вдруг высказалась обезьяна с надрывом, видно, наболело в душе. - Попрошу на "вы". А то тычут и тычут. Бабушке тыкали, маме, а теперь мне. А я не потерплю, предупреждаю.

- Извините. - сказал жираф откуда-то из-под самого неба. - Давайте договоримся все вместе, чтобы не убивать друг друга. Зачем?

- Чудак ты какой-то, а не животное. - сказал крокодил. - Ну какое тебе дело? Живешь себе и живи. Не вмешивайся. Видишь, другие овладевают новыми знаниями, опыты ставят. *Изучают жизнь.* Не хочешь сам, так отойди. Не лезь под ^{лапу} руку. Не мешай.

Жираф согнулся и видно было, как по шее прокатился сверху вниз шар.

- Ты, наверно, больной. - догадался крокодил. - Посмотри на себя. Шея длинная, плечи узкие.

- Нет. Я хорошо себя чувствую. - как-то совсем уныло признался жираф. Просто я сегодня грустный сон видел. Про это место через много-много лет.

- Интересно. - запрыгала вверх-вниз обезьяна. - Я сны очень люблю слушать. Расскажи.

- Видел, что нет этой речки, и деревьев этих нет. Какая-то пустыня из гладкого камня. И белые блестящие птицы. И много дыма, как на пожаре. Вон там. - жираф кивнул куда-то в сторону. - И звери ходят какие-то. На тебя, извините, на вас похожие. - жираф показал на обезьяну.

- А меня видел? - заинтересованно спросил крокодил.

- Нет, не видел. Совсем.

- Ну вот. - обезьяна явно пыталась угодить новому приятелю. - Какие же то наши места без крокодилов? Скажешь такое. Даже возмутительно. Накуеешься своих листьев, от них в голове непонятно что творится. Ты бы еще коноплю себе на ужин нашел или мака. А потом рассказывал. Вообще, дорогие товарищи, нужно следить за собой. Не наедаться на ночь, пробежку делать. Тогда сны веселые будут сниться, настроение с утра от них бодрое. Жить хочется после таких снов, работать еще лучше, творить. У меня такой режим.

- Я после захода солнца вообще не ем. Стою с закрытыми глазами и мечтаю.

- А почему с закрытыми?

- А потому, что так интереснее. Все становится, как золотое. Небо, звезды. И все такое теплое. И жалко почему-то всех нас. И речку, и лес, и крокодила.

- А меня чего? - удивился крокодил.

- Вот именно. - поддержала обезьяна, забрасывая удочку. - Крокодила за что? Ты лучше себя пожалей, дурачок. С такими настроениями...

Итог этой истории более-менее известен. Правнук обезьяны стал первым человеком, которых сейчас проживает на планете почти пять миллиардов человек. И скоро будет намного больше. Человеку нужно как-то зарабатывать себе на жизнь. И среди прочих других занятий он нашел одно, совсем неплохое, прибыльное. Шить сумки из крокодиловой кожи, которая оказалась исключительно крепкой и красивой. Мода на такие сумки держится постоянно,

хотя крокодилов сильно поубавилось. А может быть именно поэтому, все хотят успеть. Хорошо, что дальновидные люди спохватились кое-как защитить крокодилов и даже разводить. Хоть для собственной выгоды, а все равно благородно. Но может ли быть большее унижение с позиций эволюции, чем такая жизнь? Из милости и для галантерейных надобностей. На сумки и туфли. Не дай бог, самому человеку до такого дожить. Крокодилы обитают теперь в особых заповедниках и тупо ждут, пока с них спустят шкуру. В самом прямом смысле. Кто мог себе такое вообразить? Всего каких-то несколько сот тысяч лет назад. Кто? В заповедниках крокодилов кормят, показывают их за деньги, пугают ими детишек. Сколько сразу унижений. Разве это жизнь, по сравнению с той, что была когда-то? Они, видно, помнят, хотя ни с кем не делятся. А в глаза крокодилу никто не догадается заглянуть. Зачем? Шкура нужна, а настроениями можно пренебречь. Кому теперь интересны их воспоминания? Вот именно, никому. А животному тоже нужно высказаться, оправдаться перед историей, перед эволюцией. Научить кого-то, чтобы не повторил ошибок. Но в том и горе, каждый занят собой и некому крокодилу открыть свою душу. Потому они стали нервные, злые, ушли в себя, а на песок выползают только в случае крайней необходимости. Отложить яйца. А для чего? Даже себе горько признаться. Чтобы и будущие поколения пустить на дамские прихоти. Кошмар, если вдуматься. Так крокодилы расплачиваются за свою единственную ошибку. Сожрать бы тогда эту дуру-обезьяну и не было бы этого унижения. Ведь была рядом, только рот раскрой. И остался бы крокодил царем зверей, пограничником, таможенником на рубеже стихий: суши и воды. А место какое! Сейчас уже можно оценить. Роскошь, а не место. В воду идешь - разрешение, на сушу возвращаешься - еще одно. И все к нему, к крокодилу. С каждого пляжа можно было по миллиону иметь. Значит, был ум, был жизненный опыт, была хватка. Все продумал, все предусмотрел. И вот печальнейший итог. Где же ошибка, где корни драмы? Расслабился. Осоловел. Думал, установил порядок, теперь отдыхай. Тяжелые времена позади. А у эволюции легкого времени просто не бывает. Ошибок она не прощает никому. В том числе и крокодилам.

А жираф, как ни странно уцелел. Нелепое, в сущности, травоядное, а, смотрите, выкрутилось. Ну почему именно он? Загадка. И еще один повод для умиления, - даже живет по старому адресу. Никуда не мигрировал, не перебежал. Вечером с авиабазы выходит существо, похожее на обезьяну, в коротких штанах и кожаной куртке, размахивает длинными до колен руками и идет в савану. Леса давно нет, но маленькая рощица уцелела, сохранилась. Тут пасутся жирафы, точь в точь похожие на своих доисторических предков. Так же меланхолично жуют листья, думают о чем-то, глядя на мир полузакрытыми глазами, вздыхают, стлывают горлом печальный комок. И притом: не скажешь, что процветают, но и не бедствуют. Судя по шкуре, следят за собой. Блюдут традиции рода. Смешно сказать - аристократия, но выходит так. Отсюда, наверно, и печаль.

Существо подходит к такому аристократу и просит: - Я видел сон. Ты говорил о чем-то. Мне и крокодилу. Вспомни, о чем.

Спросит и ждет ответа. Долго ждет. Солнце уходит, гаснет его багровый след. Жираф зарывает глаза и погружается в сон, известный всем уже до анекдота. Но существо стоит, не торопится уходить, ждет чего-то. Все замирает, как будто жизнь на планете разом оборвалась и кто-то Великий выдерживает паузу, прежде чем возродить ее вновь. И только далеко вверху из-под прикрытого жирафьего века выкатывается прозрачная слеза, ползет по щеке, а потом еще долго летит к земле.